

ТАКТИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЗДНЕСКИФСКОЙ ОБОРОНЫ*

Аннотация. Данная статья на основе комплексного изучения раскрывает принципы тактики и организации позднескифской обороны. В ней анализируются некоторые аспекты исторической географии позднескифского государства и основные этапы его военной истории и влияние античных принципов на систему обороны.

Ключевые слова: тактика, полиоркетика, фортификация, осадная техника, поздние скифы, сарматы, Боспорское царство.

Изучение военного дела скифов имеет ряд особенностей: большой объем археологических источников и малое количество письменных источников – все это порождает многочисленные дискуссии по трактовке тех или иных черт, свойственных скифскому этносу, их фортификации, военному делу, социальным основам и т.д.

В своей статье я обращаюсь к вопросам тактики обороны у крымских скифов. Однако следует заметить, что, не имея данных о социальной структуре позднескифского общества, я не могу затрагивать вопросы организации военных формирований Крымской Скифии. Стратегическая инициатива, принадлежавшая скифам в Северо-Причерноморских степях до IV - начала III в. до н.э., была окончательно утрачена не позднее первой половины III в. до н.э.. Откат остатков скифских орд к берегам Днепра, в Западное Причерноморье, сокращение постоянно заселенной части Крымской Скифии до размеров предгорья привели в Крыму к возникновению новой военно-политической и этнокультурной ситуации, к отказу от ранее существовавших у кочевников тактики и стратегии ведения войны [Черненко Е.В. 1997, 24-34], к изменениям в составе и организации войска, к переходу к новым способам обороны в разнообразных укрепленных пунктах. Исследовательская задача, стоящая предо мной в этой статье – анализ причин изменения стратегии обороны и военной тактики поздних скифов.

Исходя из того, что на разных этапах существования Крымской Скифии противниками, обладавшими способностью вести боевые действия на ее территории, были понтийцы и херсонеситы, армии Боспорского царства и

римские войска, кочевники-сарматы и племена готского союза, я думаю, что следует рассмотреть характерные черты античной и варварской тактики овладения крепостями.

В эллинистическое время важнейшие тактические рекомендации полиоркетики заключались в самом широком применении военных машин как нападающими, так и обороняющимися сторонами. Армии античного мира уже обладали мощным и разветвленным парком штурмовых и осадных приспособлений. Основными машинами были разнообразные тараны, буравы, осадные башни. С IV в. до н.э. осадный парк получил мощное обеспечение в виде разнообразных метательных машин, что сделало инженерную подготовку штурма более эффективной. Однако из письменных источников известен только один случай, когда метательные машины разрушили стену, возведенную на Родосе насуп, насухо, из плохо подобранного камня. Скифские стены были сложены не лучше, чем упомянутая стена родосцев. Последнее, мне кажется, позволяет предположить, что против стен крепостей Крымской Скифии могли эффективно использоваться метательные машины, тем более что в римское время применение осадной техники стало самым обычным явлением.

В письменных источниках, косвенно характеризующих тактику обороны крепостей и развитие осадного дела в Северном Причерноморье, нет прямых указаний на использование военной техники при осадах и штурмах вплоть до I в. до н.э. Так, штурм крепости фатеев на Боспоре, судя по контексту, велся без военно-инженерной подготовки, нет сведений об использовании военных машин и в Полиеновом описании войн между Боспором и Феодосией. Впрочем, использование осадных машин и камнеметов в войнах эллинистического времени вполне вероятно. В последние годы правления Митридата VI, по свидетельству Аппиана и археологическим данным, на Боспоре было построено большое количество военных машин. С этого времени механизмы использовались достаточно часто. Есть свидетельство, что осадная техника была известна и в Крымской Скифии. Находящийся у башни таран или трепанион был изображен в первые века н.э. на стене одного из зданий Неаполя Скифского.

* © Аржанов К.А.

Какими способами эллинские и римские отряды овладевали позднескифскими укреплениями, источники не сообщают, хотя сами факты осад и штурмов, несомненно, имели место. Например, в конце II в. до н.э. некий херсонесит выступил с войском против скифского укрепления Напит. Во время второго похода Диофанта был осажден занятый скифами Калос-Лимен. Согласно декрету в честь Диофанта его войско дважды подступало под стены крепостей Неаполь и Хабеи и дважды была одержана победа. Взять или принудить к сдаче крепость, подобную Неаполю четвертого строительного периода (конец II в. до н.э.), вряд ли бы удалось без серьезно продуманных мероприятий. О длительной осаде автор декрета не сообщает; очевидно, овладеть крепостью собирались путем каких-то эффективных, но непродолжительных действий. Есть основания для гипотезы о том, что во времена похода Плавтия Сильвана, пришедшего на помощь херсонеситам в 60-е гг. I в. н.э., римляне также захватили ряд позднескифских укреплений в Юго-Западном и Северо-Западном Крыму, однако археологические источники до сих пор не прояснили характер военных действий. Можно лишь предполагать, что у римской морской пехоты был необходимый арсенал механизмов. Зная небольшую высоту позднескифских стен, можно предположить, что для их захвата применялись лестницы и такое построение штурмующих, как «черепаша».

Еще меньше сведений о тактике степных соседей Крымской Скифии — различных объединений сарматов. Единственный письменный источник, повествующий о рейде небольшого сарматского отряда на ставку скифского царя, — рассказ Полиена о набеге Амаги, относится ко времени появления сарматских племен в Северном Причерноморье. Исторический фон упомянутого события М.И. Ростовцев датировал второй половиной III - началом II в. до н.э., Б.Н. Граков — рубежом III - II вв. до н.э., И. Харматта считает его относящимся к 165 - 140 гг. до н.э., а В.Ф. Столба датирует третьей четвертью III в. до н.э.. Недавно А.Е. Пуздровский, проанализировав археологический контекст на материалах Неаполя, высказал мнение, что набег мог быть реальным событием, произошедшим около 179 г. до н.э. Автор допускает, что описанная Полиеном ситуация могла возникнуть в первой половине II в. до н.э. [Граков Б.Н. М., 1971; Ростовцев М.И. Л., 1925; Harmatta S. Budapest, 1950; Пуздровский А.Е. Симферополь, 1991].

Краткое изложение событий сводится к тому, что после отказа скифов выполнить распоряжение сарматской царицы Амаги о прекращении враждебных действий против херсонеситов, на ставку скифского царя было совершено нападение, предпринятое отрядом из 120 отборных всадников, покрывших за сутки расстояние, равное 200 км. Сарматы, внезапно налетев, перебили охрану у ворот и проникли внутрь царской резиденции. Скифы, застигнутые врасплох, не смогли оказать серьезного сопротивления. Правивший ими царь был убит, а на его место был посажен новый правитель, его сын. Стратегическая цель предпринятой акции совершенно ясна — это коррекция военно-политической деятельности скифского государства в интересах Херсонеса. Основой тактического успеха были дерзость нападавших и фактор внезапности. Обратимся к тактике сарматов. Первый этап набега — максимально быстрое движение к намеченному пункту, для этого каждый всадник имеет нескольких лошадей. Известие об обнаружении отряда благодаря высоким темпам передвижения должно было прийти не ранее его появления у избранного для нападения объекта. Фактор внезапности обеспечивает успех на втором этапе, позволяя захватить ворота укрепления и ворваться внутрь, при этом ошеломленный противник не успевает организовать сопротивление. Если не акцентировать внимание на выдающемся конкретном успехе, надо признать, что в новелле раскрыта тактика обычного, в различные эпохи применявшегося набега кочевников на оседлых соседей. Две-три лошади каждому всаднику нужны не только для быстроты перемещения, но и для перевозки награбленного имущества и пленников. Когда, скованные добычей, кочевники бывали обнаружены, оценены с точки зрения их боевых возможностей, собравшийся с силами и прояснивший ситуацию противник наносил, если, конечно, мог эффективный ответный удар. Тактика сарматских набегов вряд ли серьезно изменилась и в первые века н.э., лишь увеличилось число участников и улучшилось их вооружение. Можно утверждать, что в эллинистическое время строители скифских городищ, расположенных в стратегически важных пунктах Крымской Скифии, создавали сложные системы обороны с фланкирующими сооружениями и противотаранными поясами во многом потому, что должны были ориентироваться на уровень развития осадного дела в греческих припонтских государствах, видя в греках наибо-

лее опасного противника. В первые же века н.э., судя по распространению небольших укреплений с фронтальным способом обороны, большее внимание уделялось отражению набегов и вторжений варваров, хотя крупные центры имели фортификационные системы, способные какое-то время противостоять хорошо подготовленному античному войску, в первую очередь боспорскому.

Основные тактические приемы обороняющихся складываются уже в III - II веках до н.э. В это время, по представлениям скифских фортификаторов, наиболее подходящей для ведения крепостной войны была позиция, расположенная на сравнительно узком мысу с крутыми обрывистыми склонами, что позволяло заранее определить наиболее вероятный фронт атаки — участок перешейка, отгороженный крепостной стеной, где противник мог применить разнообразные штурмовые и осадные приспособления. Возможности штурма на остальных участках были ограничены из-за особенностей рельефа, не позволявших использовать ни тараны (близ стен не было площадок для их установки), ни камнеметы, эффективно действовавшие на расстоянии, но не приспособленные для стрельбы вверх по крутой траектории. Обстрел стен, стоящих над крутыми склонами, из луков не мог быть эффективным. Хотя дальность полета стрелы ольвийца Анаксагора составила 228 оргий, что примерно соответствует 521 м (известны и другие свидетельства о большой дальности стрельбы из луков) [Черненко Е.В. 1984, 138-140], средняя дальность стрельбы при стрельбе вверх вряд ли превышала 60 м. Даже на таком расстоянии, учитывая крутизну и высоту склонов, защитники были почти неуязвимы.

Крепостям, как правило, не был опасен рекомендуемый Анонимом Византийским и, видимо, давно укоренившийся в военной практике ложный штурм, так как в связи со сравнительно небольшими размерами городищ и небольшой протяженностью участка, который можно было подвергнуть массивной атаке, не происходило рассредоточения сил осажденных. Штурм затрудняла и сложная застройка селищ, нередко примыкавших вплотную к крепостным стенам. Но эта же особенность топографии позднескифских населенных пунктов позволяла противнику накапливаться близ стен и ворот под прикрытием построек в относительной безопасности. Начертание трассы стены, перегородившей перешеек в виде исходящего угла, принуждало противника, избегавшего

фронтального обстрела со стен, наносить удар в вершину угла. Очевидно, для противодействия такой тактике скифы создавали в этих местах мощные узлы обороны. Прямолинейное начертание фронта, а также начертание в виде обращенной наружу дуги вело к ликвидации незащищенных секторов и равномерному распределению фронтального обстрела.

На Неаполе Скифском применение передовой стены позволяло усилить мощность фронтального обстрела, сократить «мертвое» пространство, защитить основную стену от таранов, увеличивало возможности маневра при отражении штурма, фланкирующие сооружения защищали подступы к воротам и пространства, не простреливаемые с боевых площадок стен. От воздействия осадных машин стены предохраняли рвы, валы, дополнительные пояса.

В Северо-Западном Крыму, где природная защищенность крепостных позиций была невелика и протяженность доступных для штурма участков была большей, защита достигалась сочетанием разнообразных фортификационных сооружений. Например, на городище Тарпанчи подступы к стенам защищали ров, а сами стены были усилены расположенными на углах и по фронту башнями, а также противотаранными поясами.

С I в. до н.э. и I в. н.э. в предгорье интенсивно сооружали небольшие контурные городища, которые лучше, чем мысовые, защищены естественными препятствиями. Их стены обводили по периметру вершин, и крутые склоны затрудняли или делали невозможным применение осадных приспособлений. Очевидно, расчет на естественную защищенность позиции, ограниченные возможности общин, строивших эти небольшие укрепленные поселения и убежища, и изменившаяся военно-политическая ситуация привела к отказу от башен и к ориентации на отражение штурма путем фронтального поражения нападающих. Для ликвидации незащищенных секторов углам, как правило, придавали радиальные очертания. В единичных случаях использовали полости — изгибы стен внутрь, создававшие условия для перекрестного обстрела противника в наиболее опасных пунктах и для защиты с флангов соседних участков куртин.

Судя по результатам раскопок Неаполя, оружием основной массы обороняющихся были гальки весом менее 200 г, применявшиеся для метания пращей или руками. Очевидно, в Крымской Скифии на смену лучнику предшествующей эпохи пришел пращник,

оружие которого в ближнем и даже дальнем бою, как сообщает Ксенофонт, было тоже эффективным. Хранение большого количества пращных камней и речных галек на стенах городов было в древности самым обычным явлением. Найдены они и на Неаполе.

Луки — древнее дальнобойное оружие — использовались не столь часто [Гайдукевич В.Ф. 1949, 62]. Ополчение, состоявшее в предшествующее время из многочисленных конных лучников, в условиях оседлости заметно сократилось и превратилось в отряды легковооруженных пеших копейщиков. Когда осаждающие приближались вплотную к стенам с целью их захвата, в бой вступали копейщики. Нередко скифские копья имели облегченный наконечник и предназначались для метания. Слабо выраженное узкое перо часто свидетельствует о противодоспешном назначении оружия.

Недостаточно прояснен вопрос об использовании скифами метательных машин. Единственный факт — находка ядер для камней на территории городища Чайка, возможно, они служили боезапасом для машин, установленных в этом укреплении. Можно предположить использование метательных машин на Неаполе. Здесь существовали не только башни, но и бастионы. По мнению специалистов, такие сооружения предназначены для установки метательных машин.

Косвенно на возможность использования торсионных машин в Скифии указывает то, что технические работы по их созданию были вполне доступны причерноморским варварам, а необходимую помощь скифы могли получить от Боспорского царства, с которым во II в. до н.э. пребывали в союзных отношениях [Блаватская Т.В. 1959, 147-149]. Более вероятно использование скифами камней в последующее время, когда на Боспоре по приказу Митридата VI изготовили большое количество военных механизмов.

В случае прорыва противника на стены использовалось оружие ближнего боя, в основном мечи и кинжалы сарматских типов [Хазанов А.М. 1971, 11], боевые топоры и копья. Защитное вооружение бойцов было представлено по преимуществу кожаными доспехами, вероятно, близкими тем, которые описал Страбон, характеризуя вооружение роксоланов.

Небольшие размеры позднескифских городищ и особенности рельефа позволяли видеть с командных высот весь периметр укрепления и быстро перемещать подкрепление на угрожаемые участки, хотя специальных

внутрикрепостных коммуникаций, служащих для быстрой переброски резервов, видимо, не было.

В Неаполе и в убежище Бор-Кая открыты зернохранилища, скорее всего, предназначенные для хранения запасов на случай осады. К сожалению, совершенно не ясны мероприятия, проводившиеся для обеспечения обороняющихся водой. Таким образом, пассивная оборона крепостей была обеспечена продуманным расположением фортификационных сооружений и достаточно эффективным для своего времени вооружением защитников. Весьма интересен вопрос о возможностях активной обороны скифских городищ. Военно-инженерные решения, способствующие развитию активной защиты укреплений, разрабатывались античными фортификаторами длительное время. Система потерн, ведущих в ров, была с успехом применена создателями крепостного ансамбля Селиунта в VI в. до н.э., на два столетия позднее потерны были созданы в Милете. В результате осажденным удавалось, совершая внезапные вылазки, наносить неожиданные удары нападающим, добиваясь численного превосходства на важнейших участках. После выполнения задачи отряд, совершивший вылазку, мог стремительно и без потерь отступить через многочисленные проходы, ведущие в крепость.

Среди всех известных позднескифских крепостей, возможностью к обороне такого рода обладал только Неаполь, имевший на 500-метровом южном участке не менее трех ворот, расположенных на расстоянии 140 - 150 м друг от друга. Во времена Диофанта эта крепость, несомненно, входила в число опорных пунктов, использованных скифами в качестве очагов сопротивления полководцам Митридата. За ее стенами могли быть собраны силы, значительно превосходящие то количество бойцов, которое необходимо для пассивной обороны. Подобные действия вполне вероятны, особенно после неудач в полевой войне. Как сообщает Фронтин, Газдубал, проигрывая полевую войну Сципиону, захватившему стратегическую инициативу, рассредоточил свое войско по городам в качестве гарнизонов, чем вынудил римлян, опасавшихся раздробления собственных сил, прервать боевые действия. Очевидно, этот тактический прием решили использовать, и скифы, после того как потерпели поражение в первом полевом сражении с Диофантом. Следовательно, гарнизон Неаполя, пусть потенциально, но был способен на вылазки, по

крайней мере, возможности для таких действий были созданы строителями крепости.

Незадолго до войны с полководцами Митридата один из вариантов активной защиты ворот был применен на Неаполе путем создания в глубоком проеме главных ворот фланговых потерн. Такое решение позволяло осажденным восстанавливать контроль над воротами в случае проникновения туда противника после разрушения первых воротных полотнищ, находившихся в протейхизме. Эта же идея намного более продуманно была воплощена позднее, в I в. до н.э., для защиты ворот цитадели Пантикапея.

Таким образом, позднескифская фортификация в смысле тактики обороны отдельных укрепленных пунктов представляется явлением эклектическим, но с явным преобладанием во II в. до н.э. античных принципов, знакомство с которыми хорошо заметно в системах обороны, имеющих стратегическое значение. С эллинским влиянием можно связать трассы стен в виде исходящих углов, ограничивающих и рассекающих фронты атаки; расположение в наиболее опасных местах мощных узлов обороны (главные ворота Неаполя Скифского с третьего строительного периода, башенные фронты); широкое применение сооружений для флангового обстрела пристенного пространства и противотаранных сооружений. Вполне вероятным со II в. до н.э. представляется использование метательных машин. Однако системы обороны большинства хорошо защищенных укрепленных пунктов основывались на пассивной защите стен. Такие мероприятия активной обороны, как хорошо обеспеченные вылазки для противодействия осаждающим и штурмующим, могли сравнительно легко осуществлять только защитники скифской столицы. Все мощные укрепления II в. до н.э. сохраняли хорошие возможности к обороне и в дальнейшем.

Тактические особенности обороны, более характерные для причерноморских варваров, заметны в фортификационных комплексах небольших укрепленных поселений и убежищ как эллинистического, так и римского времени. Для таких укрепленных пунктов, как правило, характерны плавные дуговидные трассы стен, что позволяло избегать возникновения непростреливаемых секторов при типичном для них фронтальном способе обороны. Большое значение имел и расчет на труднопреодолимые природные препятствия, серьезно мешающие штурму, причем роль естественных препятствий в обороне со

временем становилась все более заметной.

Возможен вывод о том, что эллинские принципы в тактике защиты важных в военном отношении укрепленных пунктов наиболее ярко проявляются в позднеэллинистическое время, традиционные же варварские приемы обороны, свойственные небольшим укрепленным поселениям и убежищам, хорошо прослеживаются во все периоды существования Крымской Скифии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И., Пиле Кр. Варвары на границах Римской империи в Нормандии и Крыму в эпоху Великого переселения народов // Боспорские исследования II. Симферополь, 2002.
2. Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб., 2003.
3. Аммиан Марцелин. Римская история // пер. Кулаковского Ю.А. и Сони А.И. СПб., 1996.
4. Аполлодор. Полиоркетика. ВДИ, 1940. №3, №4.
5. Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л., 1972.
6. Блаватская Т.В. Очерки политической истории Боспора в V-IV вв. до н.э. М., 1959.
7. Блаватский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.
8. Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев, 1979.
9. Гаврилов А.В. О валах на Акмонайском перешейке // МАИЭТ VIII, 2001.
10. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М., 1949.
11. Граков Б.Н. Скифы. М., 1971.
12. Гуляев В.И. Скифы: расцвет и падение великого царства. М., 2005.
13. Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. М., 1991.
14. Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998.
15. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Латинские писатели. II том. СПб., 1904.
16. Левыкин В.И. Фортификация: прошлое и современность. М: Воениздат, 1987.
17. Масленников А.А. Скифы на Боспоре в III – I вв. до н.э. // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1993.
18. Мелюкова А.И. Вооружение скифов. М., 1964.
19. Молев Е.А. Митридат Евпатор: Создание Черноморской державы. Саратов, 1976.
20. Молев Е.А. Эллыны и варвары // На северной окраине античного мира. М., 2003.
21. От киммерийцев до крымчаков // Народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII в. Симферополь, 2006.
22. Пиоро И.С. Крымская Готия. Киев, 1990.
23. Пуздровский А.Е. Сарматы в Крыму // Проблемы истории Крыма. Тезисы докладов научной

- конференции – вып. 1. Симферополь, 1991.
24. Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. М., 1954.
25. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925.
26. Скржинская М.В. Античные писатели о Северном Причерноморье. Николаев, 1997.
27. Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
28. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
29. Храпунов И.Н. Древняя история Крыма. Симферополь, 2003.
30. Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев, 1981.
31. Черненко Е.В. Военное дело скифов. Николаев, 1997.
32. Щеглов А.Н. Позднескифское государство в Крыму: к типологии эллинизма // Древний Восток и античная цивилизация. Л., 1989.
33. Harmatta S. Studies on the History of Sarmatians. Budapest, 1950.

К. Arzhanov

THE TACTIC AND STRATEGY OF DEFENSE OF THE LATE-SCYTHIAN

Abstract. The article examines principles of tactics and strategy of defense of the Crimean Scythia based on a complex study of the systems defense of the late-Scythian fortifications of the fortified of the North-Western Crimea. An analysis is made of some aspects of the historical geography and of main stages of its military history.

Key words: tactic, fortification, defense, late –Scythia, sarmatian, Bosphorus kingdom.

Новейшая история зарубежных стран

УДК 929 Сукарно

Воронин С.А.

СУКАРНО. ОРЁЛ, ПАРЯЩИЙ В ОДИНОЧЕСТВЕ*

Аннотация. Идеализация патриархальных устоев, синкретизм взглядов, утопизм, ощущение мессианской богоизбранности, персонификация государства в личности лидера – вот столпы политического лидерства Сукарно, под руководством которого Индонезия стала независимым государством.

Ключевые слова: Сукарно, Тантулар, мархаэнизм, индонезийский социализм, космическая энергия, Рату Адил.

«Это утки сбиваются в стаи, а орёл парит в одиночестве», - заявлял Сукарно в интервью Синди Адамс¹. Эти слова стали для него пророческими. К середине 60-х г. Сукарно оказался в полной изоляции. Его лидерство стало властью яванского монарха, лишённого социальной базы и политических сторонников. Однако ошибки и заблуждения Сукарно не способны затмить главное. Ему удалось создать единое многонациональное и поликонфессиональное государство, в котором проживало свыше 90% мусульман и 10% составляли христиане, индуисты и анимисты. Спецификой религиозной ситуации в Индонезии являлось то, что эти 10% не были растворены в общей массе населения, а были

представлены целыми этническими общностями. Таким образом, здесь имело и имеет место переплетение религиозных различий с этническими². Этот синкретизм является пульсирующей основой для конфликтов в Индонезии.

В основу политической философии деятельности Сукарно был положен принцип «Единство в многообразии», впервые сформулированный в XIV в. поэтом Мпу Тантуларом, жившим во времена империи Маджапахит³. Сукарно последовательно выступал против создания в Индонезии теократического государства, понимая, что религиозное доминирование ислама – путь к конфликту в обществе. Единство всех народностей Архипелага вне зависимости от их религиозных убеждений – главная цель политической деятельности индонезийского лидера.

Ахмед Сукарно родился в Сурабае на о. Ява 6 июня 1901 года. Две шестёрки предвещали счастливую жизнь и удачу. Родившийся на заре считался избранником судьбы⁴. Синкретизм его религиозности закладывался с детства. Его отец был мусульманином, работал учителем. Мать – индуистка, дочь брахмана, прислуживала в индуистском храме. Ребёнку дали имя Кусно. Мальчик рос болез-

* © Воронин С.А.